

10. Кручинин А. М. «Даешь Екатеринбург!»: военные действия в районе г. Екатеринбурга в августе 1918 г. // Белая армия. Белое дело. № 6. Екатеринбург, 1999.
11. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга: Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург, 2005.
12. Лебедев В. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. 1922. № 23–24.
13. Хрулёв В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940.
14. Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. 1928. № 8/9.
15. Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1.
16. Kratochvíl Jaroslav. Cestou revoluce, Československé legie v Rusku. Praha, 1922.
17. Sak Robert. Anabáze: drama československých legionářů v Rusku (1914–1920). Praha, 1995.

П. И. Костогрызов,
ст. преподаватель УрГЮА, г. Екатеринбург

Роль внешнего фактора в гражданской войне в России (восстание Чехословацкого корпуса)

Поворотным событием в развёртывании гражданской войны на Восточном фронте стало выступление чехословацкого корпуса против советской власти. В советской историографии оно даже признавалось «официальным» началом гражданской войны и рассматривалось как главный фактор, обусловивший падение советской власти на территории Поволжья, Урала и Сибири летом 1918 г. Другим «общим местом» было утверждение, что восстание «спровоцировано представителями Антанты».

«Классическая» схема событий выглядела примерно так: планируя интервенцию против республики Советов, руководство Антанты решило использовать Чехословацкий корпус в качестве передового отряда интервенционистских сил. Окончательное решение

о выступлении против Советской власти было принято на совещании представителей Антанты, командования корпуса и правых эсеров 14 мая 1918 г. в Челябинске, а 25 мая начался «мятеж белочехов» [3, 176; 4, 180–181]. Непредвзятое изучение всего комплекса источников, ставших доступными в постсоветское время, позволило современным исследователям существенно скорректировать эту картину.

Не отрицая наличия у Антанты планов интервенции с участием Чехословацкого корпуса, необходимо всё же отметить, что они не носили столь определенного характера, чтобы можно было говорить о выступлении корпуса, как о решенном вопросе, и тем более о «сигнале» к этому выступлению, данном на совещании 14 мая. Неизвестно, обсуждался ли вообще вопрос участия чехословацких легионеров в действиях против большевиков на этом совещании, достоверных данных об этом нет. Так, например, Ф. Д. Волков относит это совещание к 23 мая. В таком случае, его решения уже никак не могли повлиять на ход событий: провокационная телеграмма Аралова, после которой чехословакам не оставалось ничего другого, кроме как защищаться с оружием в руках, была дана в тот же день [1, 104]. Но из дипломатической переписки видно, что ещё 16 мая английское министерство иностранных дел рассматривало интервенцию как событие гипотетическое, которое могло еще и не произойти, а 18 мая посол Франции Нуланс сообщал французскому представителю при Чехословацком корпусе (который был де-юре частью французской армии) майору А. Гинэ, что решение об интервенции принято, но начало её назначено на конец июня [5, 88; 6, 61]. Кроме того, союзники в этот период ещё пытались добиться разрешения советского правительства на интервенцию, т. е. направлена она должна была быть против немцев, а не большевиков [1, 107]. Таким образом, восстание Чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая 1918 г., не было прямым следствием неких решений Антанты, доведенных до сведения чешских командиров 14 мая в Челябинске.

Главный вывод, который делают современные исследователи вопроса, заключается в том, что к «антисоветскому мятежу» чехословаков подталкивали не только антантовские представители и внутренние враги большевизма, но и само советское руководство (об этом пишет, например, С. И. Константинов). В самом деле, действия

высокопоставленных большевиков по отношению к Чехословацкому корпусу выглядят как провокация.

В феврале выведенные с фронта части корпуса начали движение в направлении на Владивосток с согласия советского правительства. 26 марта Совнарком устами И. В. Сталина внезапно потребовал полного разоружения чехословацких эшелонов, на что филиал Национального Совета (орган, руководивший чехословаками в России), разумеется, не согласился. На следующий день было достигнуто компромиссное соглашение: каждому эшелону для самозащиты оставлялось 168 винтовок и пулемёт. Но в тот же день Л. Д. Троцкий вновь приказывает местным властям полностью разоружить легионеров (этот приказ он повторяет, по крайней мере, еще один раз — 24 апреля), 9 апреля аналогичное указание даёт им и Сталин, а 31 марта нарком иностранных дел Г. В. Чичерин по требованию германского посла графа Мирбаха рассылает телеграмму с приказом вообще остановить продвижение чехословацких эшелонов [6, 57–59; 8, 90–91]. Но на местах просто не было достаточных сил, чтобы противостоять пусть и вооруженным лишь частично, но вполне боеспособным регулярным войскам, и движение частей корпуса на восток продолжается, при этом, разумеется, учащаются конфликты с представителями советской власти, растет недоверие между ними и чехословаками.

Чем же объясняется столь странное поведение большевистского руководства? С одной стороны, конечно, давлением Германии, не желавшей появления у Антанты на Западном фронте дополнительных сил, однако германский фактор не объясняет явно просматривающееся в этих действиях подталкивание чехословаков к конфронтации. Напрашивается вывод, что большевики стремились использовать легионеров как своеобразный «детонатор» гражданской войны, который должен был «взорвать» общество, побудить всех врагов большевизма выступить открыто и тем самым дать большевикам повод нанести им ответный удар, который сокрушит их навсегда. Сама мысль о намеренном провоцировании гражданской войны правящей партией в собственной стране может показаться парадоксальной. Но в свете того, что говорилось выше о планах большевиков по строительству совершенно нового типа общества, для чего был необходим радикальный разрыв со всей предшествующей исторической традицией и разрушение сложившейся общественной структуры, она становится

вполне понятной. Именно гражданская война является идеальным «инструментом» для «сноса» структур «старого мира» и одновременно подавления сопротивления всех его защитников. Конечно, она, как и любая война вообще, несёт возможность поражения, но в чём большевиков никогда нельзя было упрекнуть, так это в неготовности идти на риск.

Итак, большевики, на наш взгляд, вполне сознательно толкали чехословаков на вооруженный конфликт, в эскалации которого советское руководство было заинтересовано не меньше, если не больше, чем страны Антанты.

Первый значительный инцидент произошел 14 мая на вокзале Челябинска. Металлическим предметом, брошенным из проезжавшего мимо поезда с бывшими военнопленными-венграми, был тяжело ранен чешский солдат. Его товарищи остановили поезд и убили виновника. Большевистская следственная комиссия, осуществлявшая дознание, арестовала 10 чехословацких солдат, направленная в Совет чехословацким командованием делегация (12 человек) была также арестована. В ответ 17 мая чехословацкие части вошли в город, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал (2800 винтовок и артиллерийскую батарею). Совет почёл за лучшее освободить арестованных [7; 2, 70–71].

Большевистское руководство воспользовалось этим инцидентом как удобным поводом для дальнейшего обострения ситуации. 21 мая оно арестовало представителей Чехословацкого Национального совета в Москве П. Максу и Б. Чермака. Первый из них был практически единственным в Национальном совете противником участия чехословацких легионеров в интервенции, так что его арест усилил позиции сторонников «жёсткой линии» по отношению к большевикам. Арестантов заставили послать чехословацким эшелонам приказ сдать всё оружие местным советским властям [5, 89]. Разумеется, эффект его был обратным.

23 мая заведующий оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам Аралов телеграфировал в Пензу: «...Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские и рабочие артели» [5, 90]. Т. е. легионеров

планировалось не только разоружить, но и оставить на неопределенное время в России, да ещё использовать в качестве «интернационалистов» в красной армии или перевести вновь на положение военнопленных в то время, как их враги — немцы и венгры — на всех парах мчались домой, на Запад! Естественно, и этот приказ, невыполнимый для тех, кому он предназначался, стал ещё одним провоцирующим фактором для чехов. Впрочем, возможно, для этого он и издавался?

Утром 25 мая произошло первое серьезное боестолкновение чехословацких войск с Красной армией: группа Р. Гайды атаковала Мариинск, но после непродолжительного боя было заключено перемирие. Вечером того же дня Л. Д. Троцкий уже разослал свой печально знаменитый приказ № 377, по которому чехословаки объявлялись мятежниками, а все Советы от Пензы до Омска обязывались немедленно их разоружить. Каждый чехословак, который мог быть обнаружен вооруженным на железной дороге, должен был быть расстрелян на месте. Эшелоны, в которых оказался бы хоть один вооруженный, подлежали расформированию, а личный состав — интернированию в лагерь для военнопленных [8, 92; 5, 91].

С этого момента большевики и чехословаки оказались в состоянии войны, и обратного пути уже не было. Но цель этой войны для легионеров была весьма ограниченной: речь шла не о свержении советской власти, а лишь об обеспечении транспортировки подразделений Корпуса во Владивосток и далее на Западный фронт. Это подтверждается тем, что и после 25 мая чехословаки продолжали двигаться по-прежнему в восточном направлении, только теперь им приходилось пробиваться с боями, попутно ликвидируя советскую власть. Группа Чечека, заняв Пензу, без боя оставила её и двинулась на Сызрань. Так же действовала группа Гайды в Иркутске. А самая многочисленная группа Дитерихса оставалась во Владивостоке, ожидая подхода остальных частей и не предпринимая никаких действий [5, 92–95].

Список источников и литературы

1. Волков Ф. Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1971. № 2.

2. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Кн. 7. Париж, 1937.
3. Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980.
4. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
5. Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург: ИРА УТК, 1997.
6. Константинов С. И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Мат-лы рег. науч. семинара. Челябинск, 1999.
7. ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 9-23
8. Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 2005. № 2.

Е. В. Лазарева,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

К вопросу о роли иностранного капитала как фактора втягивания России в Первую мировую войну на стороне Антанты

На рубеже XIX–XX вв. в Европе сложилась новая система международных отношений, которая характеризовалась усилением соперничества в отношениях между великими державами. Все чаще происходили локальные войны за передел сфер влияния. Россия также участвовала в этой борьбе, но, несмотря на выгодное геостратегическое положение, не обладала достаточно развитой промышленностью и финансами и несколько отставала в этой области как от союзников, так и от конкурентов. Однако, исходя из своих национальных интересов, Россия стремилась предотвратить установление военно-политической гегемонии Германии, прекратить экспансию Австро-Венгрии и Германии на Балканах и установить контроль над